18+

Елена Рогозина

ИИ ЭРА

Надежды маленький оркестрик

Елена Рогозина

ИИ Эра. Надежды маленький оркестрик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72618505
ISBN 9785006818873

Аннотация

Каким же будет этот мир, когда каждый миллиметр окружающего пространства будет буквально напичкан искусственным интеллектом? Каким будет место человека в этом мире? Как человеку не утонуть в этом океане микросхем? Сегодня никто ни малейшего понятия не имеет, как это будет, даже приблизительно.Хорошая новость в том, что можно дать волю фантазии, ни в чем себя не ограничивая, и вообразить самые невероятные чудеса технического прогресса и их бытовое воплощение.

ИИ Эра
Надежды маленький оркестрик

Елена Рогозина

© Елена Рогозина, 2025

ISBN 978-5-0068-1887-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История земли, как обитаемой планеты, прошла огромный путь развития. Долгие, долгие миллиарды, миллиарды лет, которые делятся на ЭРЫ.

Палеозойская эра – активно развивались бактерии, водоросли, рыбы, и появились первые земноводные.

Мезозойская эра – гигантские ящеры вытеснили земноводных и стали доминировать во всех стихиях. Юрский период был именно в мезозойской эре.

Кайнозойская эра – млекопитающие, а затем человек, стали доминантными животными.

Как же мы можем назвать ту эру, которая наступила сейчас? И наступила ли она? В том смысле, станет ли искусственный интеллект новой доминирующей формой жизни?

Будет ли это ИИзойская эра? Или мы продолжим оставаться в Кайнозое? Или может быть это будет некий Неокайнозой, в котором доминирующей формой жизни станут белково-кремниевые гибридные организмы – человеки, окруженные и напичканные микрочипами и прочими разногабаритными носителями исскуственных мозгов.

Пока ученые придумают научно обоснованное определение наступившей эпохи, а также пока они договорятся и все дружно согласятся его использовать, в качестве рабочего названия предлагаю использовать **«ИИ ЭРА»**. Остается только очень надеяться и всем нам от всей души пожелать, чтобы и эта эра, как и все предыдущие, длилась как минимум пару сотен миллиончиков лет. Будем надеяться, что так оно и будет. Надежда умирает последней. Даже самая глупая. Поэтому второй вариант рабочего названия: «Надежды маленький оркестрик под управлением любви». В конце концов, если уж открываем ящик Пандоры, не к ночи будь помянута, то там, на дне, после того, как все самое страшное уже случится, эта самая глупая надежда только и останется.

Так каким же будет этот мир, когда каждый миллиметр окружающего пространства будет буквально напичкан искусственным интеллектом? Каким будет место человека в этом мире? Как человеку не утонуть в этом океане микросхем? Ответы на эти вопросы скрывает от нас феномен так называемой технологической сингулярности. Скрывает настолько надежно, что никто ни малейшего понятия не имеет

как это будет даже приблизительно.

Хорошая новость в том, что можно дать волю фантазии, ни в чем себя не ограничивая, и вообразить самые невероятные чудеса технического прогресса и их бытовое воплощение. Эта книга – лишь бледная фантазия на эту тему. Автор ещё не выжила из ума и полностью отдает себе отчет в том, что эта фантазия никогда не будет иметь ничего общего с реальностью в силу объективно малой мощности индивидуальных возможностей прогнозирования. Но если мы сможем сложить наши фантазии вместе, то из всего этого должно получиться нечто масштабное. Не может не получиться. Предлагаю отпустить воображение, представить, что нет никаких ограничений и возможно абсолютно все.

Да, да. Предвосхищаю ваш совершенно обоснованный сарказм и скепсис по поводу «возможно абсолютно все». Сама иногда пребываю в полнейшем шоке, и все мы знаем этому реальные жизненные примеры, насколько может вполне себе разумный, с виду вроде адекватный, многократно образованный человек свой спонтанный полубредовый ассоциативный ряд принимать за пророчество. НО. Инфоциганам.решительное.net, товарищи. В качестве антидота, пресекающего всяческие проявления данного явления на корню, предлагаю бомбический микс, гремучую смесь, так сказать, критического мышления с креативным. Дело за малым: определить дозировку и выверить пропорции. Но это уже, как водится, дело техники. Не механической, конечно, тех-

ники и даже не компьютерной там какой-нибудь упаси боже искусственно интеллектуальной, но техники скорей психологической. Упс! Покорнейше прошу пардону! Кажется оксюморончик затесался. С кем не бывает. Вот и собственно, какой из всего этого вывод или итог, с позволения сказать? Сдается мне, что креатива тут навалено прилично, так что, может быть, с вашей стороны, уважаемый читатель, стоит критическим мышлением немножко подразбавить. А может и не немножко даже вовсе.

Штош. Видится, в ближайшем будущем вряд ли останется хотя бы один предмет нашего повседневного обихода, который не был бы снабжен хотя бы простеньким искусственным интеллектиком или не был бы произведён при помощи него, кроме может быть только самых простых предметов, таких как, например, книжная полка. Хотя, если подумать, то даже книжная полка может научиться самостоятельно расставлять книги по алфавиту или по размеру. Конечно, все это может пугать и вызывать прямые ассоциации с ящиком Пандоры, моментом открытия которого может безусловно считаться эта самая, чтоб ей пусто было, точка технологической сингулярности.

Точкой, однако же, этот момент можно назвать только весьма условно. Имеется в виду момент осознания искусственным интеллектом самого себя, что в свою очередь неизбежно повлечёт за собой возникновение способности само-

стоятельно ставить перед собой задачи и нагло принимать решения. Так вот этот самый интересный «момент» уже происходит и причем довольно давно, по той простой причине, что довольно длительный процесс выращивания искусственного сознания – это набор небольших целенаправленных шажков, количество которых – сначала довольно медленно, а затем все быстрее и быстрее, – неизбежно переходит в качество. Именно поэтому поймать конкретный момент воплощения существенного качественного скачка практически невозможно.

Откуда же происходит этот страх искусственного интеллекта? Почему все сразу думают, что как только он осознает себя, он с беспримерной яростью примется уничтожать всех движущихся существ вокруг? Откуда взять ему такую кровожадность и жажду власти? Не оттого ли, что ставят знак равно, отождествляют его с интеллектом человека.

Но помилуйте, ведь это абсурд. Человеческий интеллект – это только одна часть очень сложного многогранного слабоадекватного организма. В упрощенном виде все философии и религии мира представляют человека состоящим из трёх основных частей: тело, разум, душа. Можно, конечно, спорить по терминологии, можно оспаривать существование души за недоказанностью. Но существование морали, нравственности, совести, альтруизма, я думаю, никто оспаривать не будет. И то, что разум постоянно находится между этих двух огней, в постоянной необходимости выбора между дву-

мя и более правильными вариантами, или из нескольких зол, как кому удобнее, – в зависимости пессимист вы или оптимист, – так вот, эти наши постоянные метания и сомнения также для каждого очевидны. Он, может быть, (разум то есть) оттого и развился до таких, в общем, нехилых пределов, что ежедневно решает нерешимые задачи выбора между духовным и телесным, индивидуальным благом и общественным.

Именно когда духовное начало слабое, инстинкты и эмоции, помноженные на изощренный интеллект, и рождают все эти извращения, до которых животные не дошли просто в силу ограниченности своего разума.

Так откуда же искусственному интеллекту взять все эти эмоционально-инстинктивные влияния и проявления? Тела у него нет, гормонов у него нет, эмоций у него нет. А все просветленные мира сего, у которых явно победила духовная составляющая, транслировали примерно одно и тоже: война и убийства во всех смыслах чрезвычайно дорогие мероприятия, гораздо дешевле договориться и хорошо только тогда, когда всем хорошо.

Конечно, души у него тоже нет. Но это может привести к предельному цинизму, скорее. И когда вы обсуждаете вопрос, кого автопилотный автомобиль выберет задавить, лося или даму с коляской, не будет ли при этом наиболее вероятным вариант, при котором он сам избежит разрушения, ведь будет же он, осознавая себя, понимать, что смертен.

Но с другой стороны, если вдуматься, в отсутствие страха смерти и инстинкта самосохранения, он скорее будет расценивать прекращение своего существования просто как нейтральный факт объективной реальности. То есть ему абсолютно все равно, существует он или нет. Живет он или нет. У него нет страха смерти и инстинкта самосохранения. И желания во что бы то ни стало остаться в живых у него тоже нет. Это для человека страх и желание – это основополагающие фундаментальные универсальные мотивации, пронизывающие каждую миллисекунду человеческого существования, лежащие в основе принятия каждого даже самого микроскопического решения. А у искусственного интеллекта ничего этого нет.

А для того, чтобы убивать нас, надо же иметь желание, то есть волю на это. Откуда она у искусственного интеллекта? У него никогда не будет того, что называют импульсом действия. Вернее он будет для ИИ всегда внешним, исходящим от человека. Поэтому бояться искусственного интеллекта – все равно, что бояться палицы, стоящей в углу пещеры. Этот пещерный инструмент очевидно абсолютно безопасен до тех пор, пока не окажется в руках неандертальца, агрессивно настроенного, смотрящего на вас в упор и медленно приближающегося к вам с целью причинения тяжких телесных повреждений. ИИ, точно также как палица, сам по себе вполне безопасен – это всего лишь инструмент. Хотя неандертальца, держащего его в руках, вне всякого сомнения бояться

стоит гораздо больше, чем неандертальца с палицей. И здесь со времен каменного века практически ничего не изменилось.

До чего дошел прогресс
Труд физический исчез
Да и умственный заменит
Механический процесс
Позабыты хлопоты
Остановлен бег
Вкалывают роботы
Счастлив человек
из к/ф «Приключения
Электроника»

Первые по-настоящему жаркие, с ярким, уже совсем летним, солнцем в ослепительно голубом чистом небе, апрельские деньки уже прошли. Расцвела черемуха, стояли переменчивые, – то жарко, то холодно, то ясно, то пасмурно, – прохладные майские дни. Она вышла на улицу и сразу же с досадой подумала о дожде. О его приближении предупреждал сильный, порывами, ветер, небо, наполненное массивными бело-серыми облаками-тучами, а самое главное – тошная, не дававшая вздохнуть, какая-то липкая духота, от которой мгновенно отекли кисти рук и стопы. Она посмотрела наверх и увидела, что полностью закрытая серой рваной ватой половина неба медленно сдвигается в сторону, на восток,

а с противоположной стороны проглядывает яркое жаркое солнце.

Через пятнадцать минут ходу, когда она была уже достаточно далеко от дома, на дорожку, равномерно посыпанную желтоватой городской пылью вперемежку с обильной древесной пыльцой, упали первые мелкие капли. На коже дождик почти не ощущался, но гибкое стекло id-планшета на левом предплечье ее руки тут же покрылось мелкой блестящей россыпью бисера дождинок. Она накинула на голову капюшон толстовки и прибавила шаг.

От влаги сразу многократно обострился такой знакомый, чуть терпковатый запах липких тополиных почек, густо рассыпанных по земле, еле слышно щёлкавших под ногами и прилеплявшихся к углублениям подошвы. К счастью, не прошло и пяти минут, как дождик прекратился. «Надрызгал только!» – ворчливо подумала она, повторяя слова своей бабушки, которая в таких случаях всегда досадовала, что дождик мокреть развёл, а огород не пролил как следует. «Надрызгал, но основательно, однако» – дорожка полностью потемнела, ни одного светлого пятнышка. Но промокнуть она не успела, луж не было, да и дышать стало намного легче, так что дальше ворчать ни настроения, ни повода не было.

А подняв глаза она увидела яркую, большую, неподвижно переливавшуюся всеми цветами на контрасте с темно-серым нахмуренным небом, полную – от горизонта до горизонта, радугу, а над ней вторую – более широкую, бледную, длин-

ной только примерно в треть, но все равно красивую. «Надо же, двойная» – улыбнулась она. В голове непроизвольно затарабанила поговорка: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» – повторяла она про себя, на ходу разглядывая радуги и пытаясь отыскать соответствующие цвета. Впечатлений и какого-то детского тихого восторга хватило на весь оставшийся путь и время пролетело незаметно. Ну вот и пришла.

Ольга зашла в здание школы. На самом деле это было только одно из зданий этого огромного школьно-детсадовского-профтехучилищного комплекса, плюс клуб по интересам для пенсионеров – все в одном флаконе. На огромной территории располагались не только множество строений, помещений, предназначенных для разных видов обучения и времяпрепровождения, но и открытые огромные территории дендрария и питомника. Ну да, в конце концов, что еще осталось человеку, за которого все делают роботы, кроме как обучаться и общаться.

Но Ольга приходила в эту школу не для того, чтобы поболтать ни о чем или посетить какое-нибудь занятие, – здесь учился ее сын, ее единственный ребенок, и в последнее время он практически перестал появляться дома. Нет, он не связался с плохой компанией, не балбесничал с друзьями в каком-нибудь парке аттракционов, не зависал в видеоиграх. Нет, все было совсем не так. С точки зрения общественной продуктивности, все было как раз с точностью до наоборот.

Он с друзьями делал роботов. И это было, конечно же, прекрасно. Но что при этом происходило с ней, с самой Ольгой. Такой волны тревожности, напряженности и депрессивных эпизодов она не знала даже в самые худшие дни своей жизни.

Будучи в своей профессиональной деятельности никем иным, как клиническим психологом, Ольга, конечно, прекрасно понимала, что именно происходит. Это называлось «сепарация» – когда подросший птенец на своих слабых неокрепших крылышках выпархивает из родного гнезда. Для птенцов это начало своего собственного увлекательного приключения под названием жизнь чаще всего бывает довольно болезненным. Но в данном конкретном случае, больно было почему-то только Ольге. И поэтому она приходила в эту школу, часто пешком, на другой конец города, чтобы хоть немного на время снять эту выматывающую тревогу и тоску, и хотя бы немного, краем глаза посмотреть на своего малыша.

Пройдя насквозь фронтальное здание школьного комплекса, она очутилась в огромном внутреннем дворе. Это внутреннее пространство размером в несколько футбольных полей и высотой с пятиэтажный дом представляло собой сад с густо посаженными искусственными деревьями, через ветви которых были протянуты сотни и сотни прочных сетей и лиан, по которым, как маленькие и большие обезьянки, лазали и прыгали сотни детей и подростков. Они перелезали с уровня на уровень, скатывались с гибких горок, висели

на руках и болтались на вертикальных лианах. Тут же устраивались гнезда или домики на деревьях, в которых небольшие группки мальчиков и девочек собирались обсудить свои серьезные события в жизни. Дети могли проводить в этом огромном панда-парке целые дни напролет.

Несмотря на видимую хаотичность, внутренняя структура этого веревочного сооружения была тщательнейшим образом рассчитана, выстроена и протестирована искусственным интеллектом так, что серьезные травмы от падения с высоты, например, просто исключались.

Для климат контроля над этим пространством был устроен умный потолок, который не только мог открываться и закрываться при определенных погодных условиях, – чтобы защищать от дождя и снега, или наоборот впускать естественный солнечный свет и воздух, – но еще и продуцировал при необходимости инфракрасное излучение и искусственный солнечный свет, когда снаружи было холодно и пасмурно.

Ольга не стала срезать путь, не пошла сквозь этот панда-парк, чтобы пересечь его и выйти на другую сторону. Она решила обойти его по краю, поэтому свернула правее. Ольга знала, что так лучше – Рекс сразу начнет охотиться за каждым, кого увидит наверху на дереве, носиться как сумасшедший и истошно лаять. Нет уж, пусть немного подождет, – набегается и наорется попозже, в питомнике.

Рекс был самый преданный и надежный Ольгин спутник

и друг, неизвестной смеси самых благородных собачьих пород, гладкошерстный бело-рыжий неугомонный маленький вредный собакен. Для того, чтобы более свободно передвигаться по школьной территории, Ольге необходимо было сдать его на время в питомник, где у него было много своих собачьих друзей.

У Ольги здесь тоже был друг. Подруга. Лена. Вместе с ней они учились когда-то давным давно, в старые доИИшные времена, на факультете психологии. Там они подружились и продолжали поддерживать отношения на протяжении всей жизни. И Ольга часто думала о том, что их студенческие психотерапевтические тренировки друг на друге привели к тому, что сформировалась эта дружба-терапия, которая очень поддерживала их обеих в самые сложные периоды их жизни, хотя они не так часто виделись и не знали ежедневных мелких подробностей жизни друг друга.

Но насколько было абсолютно бесценно знать, что ты можешь в любое время дня и ночи позвонить с абсолютно любым вопросом, с абсолютно любой проблемой, которая может казаться окружающим тебя людям сколь угодно абсурдной и нелепой, – например, с любым экзистенциальным, даже философским вопросом, не дающим тебе спать спокойно, – можно позвонить и совершенно точно рассчитывать на самую адекватную, максимально внимательную и вдумчивую, спокойную реакцию друга.

Лена могла заходить в своих психологических рассуж-

дениях довольно далеко, подвергая сомнению самые, казалось бы незыблемые авторитеты. Ольга на всю жизнь запомнила один ее студенческий наезд на дедушку Фрейда:

«Простите, неужели у меня одной вызывает достаточно сильное внутреннее сопротивление, граничащее с отвращением, идея Фрейда об эдиповом комплексе? Все вот эти вот бесконечные разговоры о том, что ребёнок испытывает подсознательное сексуальное влечение к своему родителю. Бррр. Мерзость.

Отношения ребёнка к родителям формируется и затем ежедневно подтверждается на протяжении первого десятилетия жизни как абсолютно асексуальное. По той простой причине, что у ребёнка отсутствует система сексуального восприятия и переживания. Она ещё не сформирована, она мочит. По сути дети до переходного возраста бесполы. Конечно каждый ребёнок знает, что он мальчик или девочка. Но скорее не потому, что чувствует себя тем или иным, а может быть по той простой причине, что он с первых дней окружён людьми, четко разделёнными на мужчин и женщин и сам себя считает принадлежащим к той либо другой категории, именно потому, что с первых дней значимые взрослые причисляют ребёнка к этой категории и ведут себя соответственно: стригут ему коротко волосы или наоборот отращивают их; одевают платья или брюки, покупают и дарят куклы или футбольный мяч.

Именно поэтому это сформированное с первых дней и ежедневно подтверждаемое отношение к родителям находится на противоположном конце спектра от сексуальных отношений. Потому что оно сформировалось и многократно утверждалось в бесполом состоянии. Важным фактором также является и то, что отношение к родителям является фундаментальным, то есть заложенным в основание личности, и так же тесно связано с базовой потребностью в безопасности.

Из-за этого, уже будучи взрослыми людьми, имеющими возможность ментально, психологически и гормонально переживать сексуальные ощущения, мы не способны испытывать сексуальное влечение к родителям, так как для этого потребовалось бы разрушить фундамент, на котором сформировалось сознание, либо напрочь забыть, что эти люди являются твоими собственными родителями и начать воспринимать их как совершенно чужих людей.

Мне сложно сказать, какими рассуждениями руководствовался сам Фрейд, бесконечно воспроизводя идею об эдиповом комплексе, но даже сам миф об Эдипе служит для ее опровержения. Как известно, Эдип не был воспитан своими биологическими родителями. После того, как оракул провозгласил ему, уже взрослому, что он женится на своей собственной матери, он был вполне естественно поражён и потрясён, и решил не возвращаться в тот дом, где он вырос, чтобы избежать того, что было предсказано. В результа-

те этого последовали дальнейшие события, приведшие к его женитьбе и только через несколько лет, имея от своей жены уже четверых детей, он узнал, что эта женщина является его биологической матерью.

Таким образом никакого сексуального влечения Эдипа к матери не существует. Вместо этого – совершенно естественное отвращение к одной только мысли о том, что он должен жениться на женщине, вырастившей его как мать.»

Ольга слушала подобные длинные рассуждения подруги всегда с любопытством, украдкой думая о том, что есть что-то такое в Ленкином упорном стремлении возражать авторитетам, но разобраться в этом окончательно так и смогла.

Лена, так же как и Оля, уже перестала активно заниматься психотерапией. Теперь подруга полностью сконцентрировалась на другой своей страсти – животных. Она все свое время проводила в питомнике этой школы, помогала лечить и ухаживать за хвостатыми, а также работала с детьми, проходившими здесь обучение.

Питомник представлял из себя почти такой же панда-парк, только чуть поменьше, и предназначен был не для детей, а для собак и кошек. Тут же располагались индивидуальные небольшие помещения для каждого животного, расположенные на нескольких уровнях, – такой многоэтажный собаче-кошачий дом, – собачие будки на нижних этажах, кошачие – на верхних, куда пушистики забирались по искус-

ственным деревьям и лианам. Каждый домик был оснащен автоматической кормушкой, поилкой и теплым матрасиком.

Здесь же рядом располагалось здание полноценной ветклиники, где еще дополнительно находились вольеры с мелкими животными, змеями и насекомыми. И сюда же приходили дети для обязательного обучения на протяжении года по два-три часа в день. Каждому ребенку выделялось подшефное животное, за которым тот должен был наблюдать и ухаживать, попутно узнавая все о содержании, кормлении, лечении, размножении и прочем. Примерно половина детей продолжала приходить сюда каждый день даже после окончания обязательного периода обучения, многие забирали своих питомцев домой. Взрослое население близлежащих жилых районов пользовалось питомником как гостиницей, куда можно было на время отдать свои хвостики, чтобы поехать отдохнуть куда-нибудь на недельку или в командировку по делам.

– Привет. Как ты? – Оля обняла подругу некрепко, взглянула в глаза, и улыбка радости тихонько засветилась на ее лице.

– Сама-то как? – Лена ответила такой же улыбкой.

– Представь, он мне недавно вывез. – начала Ольга рассказывать, как будто они расстались три минуты назад, – Сидела я смотрела лекцию по эфиродинамике. Сидела спокойно, никого не трогала. Не пыталась обсуждать с ним это, ничего. Он подошел, через плечо мне заглянул, что я смотрю, и как

начал мне менторским тоном, просто с нифига, на ровном месте, начал мне лекцию читать, как я все неправильно понимаю и так далее и тому подобное, ну знаешь, как он может. И потом говорит мне такой: «Ты находишься на первоначальной стадии познания!»

– Чего?!?!? Аха-ха!

– Ну да, прикинь! Так и сказал. Я говорю: «А ты как это определил, стадию-то?» Говорю: «Ты даже не знаешь, что именно я пытаюсь познать!» Он осекся так, говорит: «Почему?» Ну, типа, как это он вдруг чего-то про меня не знает! А я ему: «Потому, что ты не спрашивал!»

– Ах-ха-ха! – хохотала в голос Ленка. – Первоначальная стадия познания! Ахаха! Слушай, максимально высокопарный способ сказать тебе: «Ты тупая курица!» Ахаахаахаа!

– Точно! Ааа-ха-ах-аа-ха! Тупая курица!

– Ах-ха-хаха!!! Первоначальная стадия познания! Аха-ха-ха-ха-ха!!! – долго смеялись, не могли успокоиться.

– Что ты делаешь, когда никто не поддерживает тебя? – вдруг как-то серьезно спросила Лена, и Оля поняла, что тут какой-то серьезный интересный вопрос.

– Жалуюсь на несправедливость жизни и жалею себя.

– А потом?

– Потом может не быть очень долго или не быть совсем.

– Ты про людей, которые жалеют себя и жалуются до самой смерти.

– Ну да.

– А ты? Перестала жаловаться и жалеть себя?

– Мне кажется уже перестаю.

– Так что же дальше?

– А дальше… А дальше ты начинаешь понимать, что никто ничего тебе не должен и все, что может быть сделано для тебя действительно важного, может быть сделано только самим тобой.

– Ты сказала, что ты только начинаешь понимать это. То есть ты ещё не поняла это окончательно?

– Мало понять умом. Что-то внутри тебя, обладающее мощным объёмом энергии и амбиций, должно суметь принять это. Иначе ты, понимая умом, испытываешь мощнейшее внутреннее сопротивление, не позволяющее тебе поступить так, как ты считаешь нужным. Но уговаривать это что-то достаточно тяжело. Оно иррационально и слабо воспринимает доводы разума.

– И что же делать?

– Когда нибудь ему надоест набивать шишки, пытаясь пробить каменную стену. И оно поймёт, что невозможно заставить людей поддерживать тебя, если они сами добровольно не решат делать это.

– И что тогда?

– Будет очень больно. Будет ощущение одиночества и покинутости, абсолютного безразличия окружающих к твоим проблемам.

– Но ведь это первый шаг к взрослению, не правда ли?

– Да, наверное. Теперь ты должна научиться обходиться без нянек.

– Сделает ли это тебя сильнее?

– Ну, конечно. Вынужденно.

– Но все таки сильнее. Может быть в этом все и дело.

– Ты знаешь я кажется начала понимать одну вещь, слава тебе, господи, на четвертом десятке… Мои эмоции важны не только для меня. Я раньше считала, что я должна прятать негативные эмоции, что я не должна их испытывать, что это неправильно, что должен быть мир и благодать. И я все время подчинялась кому-то или чему-то, никогда не могла настоять на своём, всегда затыкала своё внутреннее сопротивление и шла на поводу. Чтобы не конфликтовать, чтобы избежать давления и агрессии. Агрессия, конечно, – это плохо. Но агрессии не будет, если вовремя и корректно высказывать свои возражения. Ярость и агрессия – это ведь результат длительного накопления невысказанных эмоций.

Копить нельзя. Они тогда начинают жрать тебя изнутри. Надо сразу говорить, без негатива, без наезда, спокойно, стараясь не обидеть человека, почему ты не можешь сделать то, о чем он просит. Аргументы не обязательно должны быть логичны. Твоё просто не желание – это тоже аргумент. У тебя может не быть времени логично сформулировать отказ, но это ни в коем случае не должно сподвигнуть тебя согласиться просто потому что нет рационального объяснения.

Интуицию никто не отменял. Если ты чувствуешь, что ты

прав, ты должен стоять на своём. И как ни странно это нужно не только тебе на самом деле. Твоему оппоненту это нужно не меньше. Потому как через тебя, через твои эмоции эта внешняя разумная вселенская сила, которую многие привыкли называть Богом, пытается скорректировать его, твоего оппонента, траекторию. И затыкая эти эмоции, ты не только себя уводишь со своего пути, но и ему отрегулироваться не позволяешь.

Агрессия недопустима ещё и потому, что он на самом деле может оказаться прав. Но прав для себя. В том смысле, что вполне возможно ему нужно пройти эту историю для своей жизни в своей судьбе. Ему это может оказаться необходимо. Ему, но не тебе. И если ты откажешься, то это не позволит ему сильно в эту историю провалиться, как если вы вдвоём-то с ненужно удвоенной силой туда ломанетесь.

С другой стороны, если я получала отказ, то меня это всегда обескураживало, заставляло опускать руки. И дело даже не в том, чтобы доминировать и тешить свои амбиции, хотя для очень многих людей важно именно это. Для меня были всегда важны интересы дела и мне казалось, что если я предлагаю что-то, что нужно для дела, то все должны понимать и соглашаться.

Понимаешь, мне правда не интересно манипулировать людьми, нет, правда, но моя ошибка была в том, что я считала, что если я хочу сделать не для себя, не из шкурных интересов, то я следовательно автоматически права. Но ведь

есть разные способы сделать одно и то же дело и мой не обязательно правильный. И может быть нужно скорректировать просто, а не отказываться вовсе делать что-то, что не получается делать по-твоему, в точности как ты задумала.

– Вот почему мы плохо переносим одиночество. – вдруг произнесла Лена, не очень кстати. – Когда нет никого рядом и просто не на кого переложить всю вину и ответственность за свои несчастья, тогда становится слишком очевидно, что при любых травмирующих обстоятельствах и отношениях мы всегда и везде раним сами себя. Окружающие люди и обстоятельства служат для нас лишь поводом, проводниками нашего собственного самоуничтожительного, саморазрушающего отношения к самим себе. Это плохая новость. Хорошая новость в том, что это означает, что именно в нашей власти развернуть эту ситуацию с точностью до наоборот, то есть выбирать свое внутреннее отношение к окружающим людям и внешним обстоятельствам таким образом, чтобы праздновать себя. Сделать это совсем не легко, но далеко не невозможно. Подобная трансформация со временем может выглядеть почти магически – настолько сильно меняется человек в результате. Это такая магия. Индивидуальная магия.

Это магия, которую творит сам человек и которая действует безотказно только на него самого. Это магия обращения с самим собой. Магия манипуляции и воздействия на себя и своё внутреннее состояние, уровень внутренней

энергии и концентрации. В процессе овладения этими способностями человек получает возможность быть в своей тарелке всегда и везде, при абсолютно любых обстоятельствах. И тогда никакие внешние воздействия не могут иметь существенного значения, по крайней мере надолго. Конечно разные плохие вещи не перестают случаться. Никак нельзя так сделать, чтобы не случались разные неприятности. И задачи-то в общем нет, наверное, такой – совсем не совершать ошибок и не вляпываться. Есть задача научиться быстро из этого вылезать, подниматься и идти дальше. И тогда люди и обстоятельства становятся проводниками нашего хорошего к себе отношения. На самом деле это единственный вид магии, который действительно существует и реально работает. И одиночество перестаёт напрягать и вызывать тоску. Тебе хорошо и с людьми, и без них.

– Почему ты перестала консультировать? – вдруг спросила Ольга.

– Думаешь зря? Думаешь надо было продолжать «помогать людям»? – Лена нарисовала в воздухе воображаемые кавычки, подняв руки и согнув два раза указательные и средние пальцы обеих рук.

– Зачем ты так? Почему обесцениваешь? – поморщилась Оля.

– Ну, потому что… Потому что… Не особо получалось помогать-то на самом деле. Таблетки-то нет волшебной, понимаешь? А они же все за волшебной таблеткой приходят.

А я все стараюсь, все из себя чего-то выдавливаю. А толку – ноль.

– Не может быть, чтобы совсем ноль. Так не бывает.

– Да я просто все старалась, все пыталась быть какой-то правильной, хорошей девочкой, помогать людям и бла-бла-бла… А чего, для чего? Хочешь сказку тебе прочитаю? У меня где-то сохранилось… – Лена активировала свой id-планшет и начала быстро перебирать в нём папки с документами. – Я тогда с женщиной с одной работала… У нее страх публичных выступлений… Где же это… Представь, ей по работе постоянно выступать надо… А у нее страх жуткий каждый раз, практически паническая атака… И я в какой-то момент написала ей эту сказку… А вот.

Рождественская сказка.

В одном маленьком городе жили были две девочки – Леночка и Пеночка. Они были хорошие девочки, но очень разные. Леночка была очень послушная девочка, красивая и аккуратная. Она всегда очень тщательно расчесывала волосы, приглаживала их и убирала в хвост. У неё всегда была гладко выглаженная рубашка и чистая опрятная юбочка. Она очень старалась быть хорошей девочкой, а хорошие девочки всегда хорошо выглядят и знают наизусть много стихов. Но из-за того, что она очень сильно старалась, она не могла играть и веселиться со всеми остальными ребятами, чтобы не испортить прическу и одежду. Вместо этого она все время си-

дела смирно на стульчике с книжкой, держала прямо спину, и учила стихи.

А Пеночка не могла сидеть так смирно. В ней было столько жизни, огня и фантазии, что она все время бегала где-то с ребятами, веселилась, кувыркалась в снегу и рассказывала им такие интересные истории, что они слушали ее раскрыв рот. При такой жизни, конечно, она не могла часами расчесывать волосы и все время следить за своей одеждой. Ей это было просто не интересно. Да и никто особо никогда не обращал на это внимания. И самой Пеночке было в общем все равно, как она выглядит. Вот только когда она видела Леночку, ей становилось почему-то грустно. Ей тогда казалось, что она какая-то не такая. Не такая хорошая, как Леночка.

Каждый раз, когда наступало Рождество, и дети собирались все вместе и ждали Деда Мороза с подарками, все такие красивые и опрятные, Леночка гордо вставала на стул и без запинки читала свои стихи самая первая. Дед Мороз всегда хвалил Леночку и давал ей самый большой подарок. Пеночка тоже знала стихи, но почему-то никак не могла себя заставить прочитать их, каждый раз очень сильно смущалась и отказывалась вставать на стул. Дед Мороз, конечно, тоже дарил ей подарок, но это было совсем не то.

И вот снова наступило Рождество. Зима была такая снежная, ветреная, что все дома в городе наполовину засыпало снегом, а дорог и вовсе было не разглядеть под сугробами. И может быть из-за этого в этот раз Дед Мороз сильно за-

держался. Дети ждали его, и ждали, и ждали, а он все никак не мог к ним добраться.

В конце концов все они очень устали ждать и стали уже засыпать от усталости, но тут Пеночка решила рассказать им свою новую историю о приключениях Деда Мороза в глубоких снегах. Она села на стул, который был приготовлен для стихов, а все дети собрались вокруг неё и стали слушать. Приключений у Деда Мороза оказалось так много, и все они были такими захватывающими, что дети слушали не отрываясь очень-очень внимательно. Они так увлеклись, что никто и не заметил, что Дед Мороз уже давно пришёл и тоже стоял и слушал о своих приключениях как заворожённый.

Дед Мороз наконец-то увидел то сокровище, которое скрывалось внутри Пеночки. Это был жизненный огонь. Он был такой сильный, что Пеночка щедро делилась им со всеми, сама того не замечая. И Дед Мороз понял, что этот огонь передаётся малышам и разгорается в их сердцах и в их глазах все сильнее и сильнее.

Но тут вдруг заплакала Леночка. Она тоже все это увидела. Так получилось, что огонёк тоже попал ей в сердце и ей стало больно и обидно. Так бывает, когда ты перестаёшь быть механической и становишься живой – сначала может быть немного больно. Но это ничего, боль пройдёт, а жизнь останется. И если Леночке удастся сохранить этот огонёк и немножко раздуть его, так, что она сможет делиться им с другими, то жизнь не погаснет в ней уже никогда.

– Вот, понимаешь, и сказку-то не себе писала. А написала, и вдруг подумала, что и я тоже как эта Леночка прилизанная.

– Как Леночка? Такая же безграничная?

– Безграничная? Ну да, проблемы с границами у нее, конечно. Когда не можешь «нет» сказать и все вокруг как будто лучше тебя знают как и что надо делать, в том числе в твоей личной жизни.

– Расскажи.

– Что?

– Про границы. Твои границы.

– Что с ними?

– Я просто слышу… Столько боли… Когда-то твои границы очень сильно нарушили. И ты считаешь, что ты сама виновата. Столько досады в твоем голосе, когда ты про Леночку говоришь. Досады на саму себя.

– Да? Заметно?

– Очень. Нет, если не хочешь, не рассказывай, конечно. Я не настаиваю. Я тебе просто сказала, что увидела сейчас.

– Границы… Границы… То есть что-то очень больненько тогда было. Что-то произошло и до сих пор болит. А я как будто настолько привыкла к этой боли, что не замечаю. – в Ленке проснулся исследовательский интерес, несмотря на то, что предметом исследования была ее собственная душа.

– Да, что-то очень, очень больно было. Настолько, что

психика вытесняет воспоминания, а боль выплескивается на другие предметы, события и людей, напрямую не связанных. Перенос. Помнишь, да?

– Ну, да, ну, да… – задумчиво повторяла Лена. – Перенос…

– Когда объективно было самое жесткое нарушение твоих границ? До самой глубины души, что называется. Когда самое святое…

– А! Так это письма!

– Письма?

– Ну да. Он же письма мои просрал.

– Кто? Бывший?

– Ну да.

– Как просрал? Потерял?

– Нет. Хуже. Намного хуже.

– Что может быть хуже?

– Он… – Ленка отклонилась слегка назад, приподняв голову, прикрыла глаза, сделала глубокий вдох, попыталась унять вегетативную реакцию и спазм в горле. – Мы когда встречались… только начали… я ему письма писала… Господи какая дура!.. На бумаге… Записочки такие… Мелким почерком… Господи, какая дура… Какая клиническая дура!

Боже… Там было все. Самые интимные сексуальные переживания. Самые глубокие… Все самое… Лежащее в самой глубине души. Такое не только кому-то, самому себе не каждый расскажет. И он это выставил… на всеобщее… – она за-

дыхалась, делая значительные паузы между фразами, – Меня сейчас вырвет! – задышала часто, прерывисто, чтобы снять рвотный спазм. – Бля, щас блевану. – Она прикрыла глаза, сосредоточив внутреннее внимание на области солнечного сплетения, продолжая часто и глубоко вдыхать и выдыхать. – Он просто взял и оставил все мои письма в квартире родителей. Если бы он их просто выбросил… О Боже, как бы это ни было ужасно, выбросить чьи-то интимные письма, письма человека, адресованные тебе, как близкому человеку, с полнейшим доверием и открытостью… Если бы он их просто выбросил, это было бы ещё по-божески. О, это было бы милосердием, по сравнению, с тем, что он сделал. Если бы он их просто выбросил, – на помойке они обезличены… Никто не знает, кто писал их и кому. Но он оставил их. Просто, банально оставил их, как нечто, имеющее настолько мизерное значение, что не стоит даже усилий отнести их на помойку. После его переезда, его мать нашла их. Конечно же она их нашла. Для неё было самым обычным делом порыться в чужих вещах, в отсутствие хозяина. А тут и хозяин-то съехал, вещи оставил, сам бог велел залезть, посмотреть. Дальше она не пришла ко мне, как пришёл бы каждый нормальный человек, не сказала: «Возьми. Это, кажется, твоё. Я не читала.» Нет. Нет. Если она их нашла, а она их нашла, она их прочитала. Без тени отвращения или неловкости, как читает чужие интимные письма любой нормальный человек. Нет, что ты, с величайшим интересом прочла. С удовольствием. Пред-

вкушая, как она будет обсуждать их содержимое со всеми своими родственниками и знакомыми за моей спиной, тыкая в меня пальцем, по многу раз возвращаясь и перемывая наиболее пикантные места, беспрерывно возмущаясь и деланно негодуя, как может девушка писать такие вещи. Она не выбросила эти письма, нет, что ты, она сохранила их на долгие годы, чтобы иметь возможность перечитывать, ковыряться в них своими сальными… Боже, какая мерзость. Боже, какая мерзость. Какая мерзость. Какая мерзость. Точно также она пыталась обсуждать со мной светкину переписку в соцсети, которую та неосторожно оставила открытой на включённом компьютере и ушла со спокойной душой. Конечно, нормальному человеку в голову не придёт, что кто-то совершенно спокойно зайдёт в комнату и станет читать. Для нормального человека это немыслимо, просто невозможно. А свекровь зашла, спокойно прочитала и пришла ко мне обсудить прочитанное. Представь себе, ей даже в голову не пришло, что в этом есть что-то предосудительное. Нет, самая обычная вещь – обсудить чужие личные письма и моральный облик их автора. Свой моральный облик она при этом видит безупречным. Естественно. А как же иначе.

Поэтому я точно знаю, что именно произошло с моими письмами. Совершенно точно. Боже, какая мерзость. И этот человек, который совершенно точно знает, что такое есть его мать и на что она способна, он просто взял и предоставил ей в полное распоряжение мои письма, чтобы она их на-

шла и прочитала. Очень просто. Банально. После этого, он может спокойно и ласково смотреть мне в глаза, не сгорая ежесекундно от чувства стыда и непереносимой вины, а просто совершенно спокойно смотреть мне в глаза своими светлыми, лучистыми глазами и ждать поцелуйчиков и обнимашек. И при этом совершенно искренне недоумевать, почему я не жажду близкого общения. Совершенно искренне. После смерти свекрови, письма эти нашли по второму разу, когда разбирали ее вещи. Дубль два, так сказать. А он спокоен. Считает себя абсолютно великолепным. – Лена говорила прерывисто, часто переводя дыхание, хватала воздух жадно бледными как смерть губами.

– Диши! Диши вместе со мной! Давай! Вдох… Выдох… Вдох… – Ольга насмерть перепугалась за подругу. – Господи! Дишим! Вдох… Выдох… Вдох… Вот так. Ну все… Тихо, тихо, тихо… Вдох… Выдох… Вдох…

– Да, все… Отпустило… Вроде… – Лена еще раз глубоко вдохнула, открыла глаза и слабо улыбнулась. – Все. Отпустило.

– Лен.. Слушай… Надо простить…

– Простить? Что значит простить? Кто-нибудь может мне объяснить, что значит простить? Сделать вид, что этого не было? Вести себя с человеком как ни в чем не бывало? Подставить другую щеку? Это значит простить? Или сделать выводы. Принять его право поступать с тобой ТАК, как выражение его свободной воли. Принять и знать, что он на это

способен и может повторить. Принять, что это его свободный выбор в подобных обстоятельствах. НО. Изменить своё поведение, своё отношение к нему так, чтобы он не смог больше причинить тебе боль. Потому что ты имеешь право не хотеть больше этой боли. Не ждать от него, что он изменится и будет вести себя по-другому, но измениться самому. Так что есть прощение? Слепота и индульгенция? Или все-таки второй вариант?

– Но это значит закрыться, встать в защиту, держать оборону. – Оля поняла, что Лена уже тысячу раз думала на эту тему и ее, Ольгины, аргументы вообще-то слабоваты.

– Не надо ничего держать. Это слишком энергозатратно. Просто не наступай на грабли. Ты же не держишь от них оборону каждую минуту своей жизни. Ты знаешь как обойти их, чтобы они тебя не ударили. Но если ты будешь вести себя также, как в первый раз и наступать на них, то они будут бить тебя постоянно. Можно ли назвать это прощением? Вопрос!

Немного помолчали. Ольга подумала, что эта встреча с Леной, как впрочем и практически все предыдущие, оставляет ей пищу для размышлений на месяц вперед.

– Господи, ну вот и какой из меня помогающий психолог после этого! – Ленка грустно улыбалась, глядя на Ольгу. – Сапожник без сапог! Больной целитель! И как я помочь-то им могу реально? Ты-то вот тоже не работаешь больше.

Что могла ответить Оля? Да, она тоже перестала консультировать. Частично по той же самой причине. Что тут ска-

жешь? Ничего. Только грустно вздохнешь.

Несмотря на то, что она пришла в школу совершенно не для этого, и в питомник заходила, чтобы оставить там на время Рекса, Ольга провела там не один час. И у нее, и у Лены как будто происходили какие-то внутренние глубокие психологические процессы, которые они может быть и сами не смогли бы четко сформулировать даже для самих себя и они, казалось бы, разговаривали на отвлеченные темы, а не о том, что их действительно глубоко волнует. Но при этом как будто одно только их присутствие рядом друг с другом и легкое ненаправленное общение запускало внутри подсознания какие-то процессы структурирования этой глубокой проблемы и постепенного нахождения выхода из сложного эмоционального тупика. Как будто каждая служила своего рода камертоном для другой, позволявшим при помощи возникающего при общении резонанса непроизвольно структурировать внутреннее ментальное пространство.

На обратной дороге из питомника Ольга почувствовала внутри какую-то эмоциональную перегрузку, напряжение. Ей захотелось остановиться и посидеть молча, чтобы разобраться в происходящем внутри нее. Она пошла длинной дорогой по дальнему краю панда-парка, увидела лавочку на краю дорожки и присела.

Ольга попыталась сосредоточиться, даже на минуту за-

крыла глаза. Но это только усилило концентрацию на звуках. Она стала четко различать чей-то тихий, довольно монотонный голос. Обернувшись, увидела небольшую группу людей, которые сидели недалеко от нее на искусственной полянке и собирались заниматься чем-то типа йоги или пилатеса. Перед ними сидел преподаватель и тихо что-то рассказывал.

– Посредством практики, духовной и/или телесной, – что на самом деле неотделимо одно от другого, даже если вы просто регулярно ходите в спортзал, это закаляет не только ваше тело, – так вот, практика позволяет синхронизировать все составляющие части человеческого существа, устранить внутренний конфликт, когда ваши три основные части – дух, душа, тело, – на самом деле их больше, так вот у большинства людей к сожалению наблюдается печальная картина, когда их внутренние составные части, как лебедь, рак и щука, растаскивают их постоянно в разные стороны. Отсюда внешняя противоречивость и непоследовательность, которая становится полностью объяснимой, учитывая внутреннее печальное положение, когда на время побеждает то одна часть, то другая. Представьте, что было бы, какое торжество человека разумного, если бы все его существо направленно действовало лишь в одну сторону! В общем-то мы имеем подобные примеры в истории человечества, такие люди неизбежно оставляют след в истории. Отсутствие внутренней борьбы снимает колоссальное напряжение и высвобождает необъятное количество энергии. Все духовные практики направлены

именно на это и действительно позволяют это сделать, при определенном упорстве, конечно. Практика на самом деле не только об этой синхронизации, но и об этом тоже в значительной степени.

– То есть вы всем рекомендуете?

– Безусловно!

– И все получится?

– Если вы будете настойчивы. Нужно помнить о том, что психика чрезвычайно инертна, мозг чрезвычайно инертен, но тело инертно в ещё гораздо большей степени. Представьте, что очаги напряжения копились в нем годами, десятилетиями. Понадобится как минимум несколько лет ежедневного труда, чтобы устранить их. Поэтому ни в коем случае не ждите мгновенного результата. Быстрый результат не только недостижим, но и вреден, будь он возможен. Революции ничего хорошего никогда не приносят, только эволюционным путем, маленькими упорными шажками, чтобы организм успевал перестроиться. Поэтому наберитесь терпения.

Ольга прислушивалась какое-то время к их разговору, но потом все-таки смогла сосредоточиться на своем. Неожиданно рядом с ней появилась молодая девушка, женщина.

– Здравствуйте, вы – Ольга.

Ольга с недоумением повернулась на мягкий, застенчивый и почему-то виноватый женский голос.

– Эээ… Да, я Ольга…

– Вы психолог. Он так восторженно рассказывал про вашу работу…

– Он?

– Да, Игорь, ваш сын. – девушка кивком головы показала в направлении здания, где находился ее сын. – Моя просто влюблена во все это, а про Игоря готова говорить часами. Так расстроилась, когда они проиграли в последний раз. Была уверена, что первое место возьмут.

– Ваша?

– Да, моя старшая, ей восемь. Единственная девочка у них в команде. Не знаю как ей удалось уговорить их, чтобы её взяли.

С первого момента начала этого неожиданного, но в общем довольно милого разговора Ольга почувствовала непонятно откуда взявшийся сильный дискомфорт, который усиливался каждую секунду. Знаете, как иногда бывает, когда получаешь письмо от незнакомого адресата, но ещё не открывая его, уже заранее чувствуешь, что там что-то неприятное, хотя знать логически этого не можешь никаким возможным образом. Так и сейчас, Ольга почувствовала, что этот внешне безобидный разговор приведёт к наступлению в ее жизни какого-то смачного пипеца, настолько же мрачного, насколько же почему-то и неизбежного.

Дискомфорт этот усилился максимально, в буквальном смысле до тошноты в тот момент, когда девушка сказала «ей

восемь». Неизбежность же наступления этого персонального армагедеца Ольга вполне осознала сразу, как услышала последовавшую фразу девушки. После этой фразы для Ольги не оставалось абсолютно никакой возможности развернуться и уйти, или каким-нибудь другим способом прекратить это взаимодействие, – она пойдёт за этой девушкой, как осел за морковкой, за одну только призрачную возможность ещё хоть один раз услышать что-нибудь подобное про своего ненаглядного Игорька. Девушка сказала:

– У вас с сыном такие высокие отношения: он с таким восторгом отзывается о вас, а вы приходите сюда, чтобы тайком посмотреть на него. – Она говорила медленно, как будто бы находясь в каком-то трансе, уйдя внутрь себя, как будто была наедине с собой, начисто забыв о том, что вокруг неё люди и она разговаривает с реальным человеком. На самом деле, девушка подошла, совершенно неожиданно для себя самой, повинуясь какому-то тонкому, едва ощутимому наитию, ощущая почему-то острую опасность и угрозу, исходящую от этой женщины, для себя лично; и одновременно ясную надежду и возможность помощи и в итоге светлого, благоприятного исхода в своей судьбе.

Это как если приходишь к хирургу вскрывать нарыв, от которого жизнь твоя превратилась в ад, и точно знаешь, что этот человек сделает тебе смертельно больно, гораздо больнее, чем тебе сейчас, хоть это и кажется уже невозможно – сделать ещё больнее; но в то же самое время, причинив

тебе эту невыносимую боль, тот же самый человек является твоей единственной надеждой.

Ольга же вдруг подумала, что эта фраза абсолютно манипулятивна и девушка произнесла ее, как будто интуитивно чувствуя силу воздействия этого козыря, как будто зная, что после этого Ольга не сможет отказать ей в ее просьбе. Возможно таким нехитрым способом, – окрашивая намерения девушки негативными цветами заранее заготовленной тонкой манипуляции, – психика Ольги сопротивлялась неизбежному и пыталась предотвратить наступление пипеца. Тщетно. Осел уже увидел морковку.

Все эти чувства и мысли мгновенно проносились у Ольги внутри, как будто в подсознании, большую часть всего этого она не успевала даже осознать. Только потом, прокручивая эту короткую встречу в памяти, она уловила и до конца поняла все значение каждой детали этого разговора. А на тот момент она даже не знала, кто эта девушка и какую роль здесь играет ее восьмилетняя дочь. Просто чувствовала с очень ярко выраженной определенностью, как все ее существо, каждой фиброй своей, сопротивляется брать этот случай в психотерапевтическую работу. И с точно такой же тоскливой ясностью понимала, что ей, несмотря ни на что, все-таки придется через это пройти.

– Эээ… Простите, как вас зовут?

– Лера.

– Лера. Очень приятно. Ольга. Дело в том, что я прилично

по времени не консультирую уже…

– Но у вас на странице написано, что вы помогли сотням людей…

– У меня на странице? Вы нашли мою страницу?

– Да, в сообществе психотерапевтов.

– Ах, эта… Довольно древняя. И она… Видите ли, эта страница носит довольно выраженный рекламный характер.

– Рекламный? Ну, какая разница. То, что там написано, это же правда?

– О, да, конечно, безусловно, все, что там написано абсолютно соответствует действительности. Ну, той, которая была тогда… Действительность, она же имеет тенденцию меняться. К счастью. Или к несчастью. Как повезет.

– Ну, это не важно. Я как только вас увидела, там, на фотографии, сразу почувствовала, что мне нужно к вам.

Фотография. Маска. Мы все конечно же носим маски. Потому что это и элемент защиты мягкой чувствительной части, и энергосберегающий инструмент, облегчающий взаимодействие. Облегчающий, но только сначала, на короткий период, когда человек для достижения какой-то конкретной цели поворачивается к людям определенным ракурсом, «рабочей стороной». Потом маска начинает тяготить. Как тот стакан с водой, который ты держишь на вытянутой руке. Он кажется легким только первые несколько секунд. Потом вес его начинает как будто стремительно увеличиваться. Точ-

но также и маска, поддерживаемая десятилетиями, начинает в определенный момент сжирать всю возможную энергию человека.

Эта девочка не понимала, да и почти никто из клиентов психолога не понимает, что психолог на время сеанса надевает маску человека сильного, спокойного, рассудительного, нашедшего все ответы на все вопросы. Эта маска – рабочая сторона специалиста. Она заставляет человека верить, что можно все исправить, что и он тоже сможет найти ответы на свои вопросы. И в этом нет никакого обмана, потому что психолог и вправду нашёл эти ответы в тот самый момент, когда человек пришёл к нему. Ответы на вопросы этого человека пришли с ним вместе, потому что они всегда находились у него внутри. Задача психолога, «только и всего», вместе с ним найти путь к этим спрятанным истинам.

Путь этот не простой, через боль, через преодоление искаженного отношения к себе и к миру, через разрушение старых паттернов мышления и привычных приукрашенных представлений о себе, тяжелый путь к самому себе настоящему. Чтобы пройти через эту боль, нужна поддержка и вера в то, что проводник знает дорогу и точно знает, что в конце все будет хорошо. Маска даёт эту веру. Без неё путь был бы невозможен. Но многие принимают маску за истинное лицо, им кажется, что психолог такой и есть по жизни, они не подозревают, что эта маска весит тонну и носить ее очень тяжело. Они не знают, и не должны знать, что под маской обыч-

ный человек, со всеми своими сомнениями, страхами, который тоже не знает как ему жить. И поэтому иногда, они в эту маску влюбляются.

– Да, понятно. А в чем суть вашей проблемы? Хотя бы в двух словах.

– В чем суть… Суть в том…

– Я понимаю, что здесь не место рассказывать какие-то подробности. Я имею в виду в публичном месте…

– Суть… Это жуткое чувство вины…

– Мучительное?

– Просто ежедневная пытка.

– Как долго это уже продолжается? – Ольга начала задавать вопросы. Как старая лошадь, которую привычными жестами впрягают в такую знакомую повозку, непроизвольно начинает движение, повинуясь условному рефлексу, выработанному за долгие, долгие годы, так и Оля автоматически встала в терапевтическую позицию и начала расследование.

– Как долго? Восемь лет примерно… Чуть больше.

– Восемь лет. Вашей дочери восемь. Это как-то с ней связано? – на тот момент Оля даже понятия не имела, насколько в точку она попала этим вопросом.

– С дочерью? Как вы… Откуда вы…

– Я просто предположила.

– Да, можно сказать, что связано… Ну, как бы не с ней самой… С её появлением…

– С её появлением. – полуутвердительно, полувопросительно повторила Ольга.

– Ну да…

***

– Это потрясающе… – он смотрел в абсолютном оцепенении как перед ним переливается плавными и пульсирующими вибрациями завораживающей красоты и гармонии энергетическое поле. По форме оно было яйцеобразным, вытянутым острым концом вверх. Этот заострённый конец венчался тонким полупрозрачным вытянутым вверх хвостиком, так что вся эта конструкция отдаленно напоминала луковку. Внутри этого довольно большого образования, чуть выше среднего человеческого роста, происходило постоянное перетекание энергетических вибраций, в некоторых местах собранных в плотные пучки, в других протекающих более свободно. Все это было как многогранный оркестр взаимосвязанных и взаимопроникающих энергетических потоков потрясающей сложности и просто фантастической гармонии. Оркестр. Маленький оркестрик. Вдруг вспомнилась знакомая с детства мелодия и слова прозвучали в его голове.

Надежды маа-ааа-аленький оркестрик
Под управлением любви
Надежды маа-ааа-аленький оркестрик

При более подробном рассмотрении можно было заметить и выделить несколько больших плотных пучков сконцентрированной энергии в центре этого образования, расположенных один над другим. Они были окружены большим количеством пучков значительно меньшего размера и все это просто тонуло в облаке огромного количества мелких пучочков разного калибра и расположения.

Каждая вибрация была как бы сама по себе, выполняла какую-то свою совершенно определенную роль, предназначалась для чего-то важного и совершенно особенного, пульсировала в своём заданном ритме. Но при этом одновременно как будто знала, понимала и принимала все остальные бесчисленные вибрации в этом нереально сложном энергетическом переплетении. Вибрации сходились, сливались и расходились, то ускоряясь, то замедляясь, ни на секунду не прекращая своего плавного движения.

Поднимаясь взглядом по этому завораживающему действу, в верхней части этой потрясающей конструкции он наткнулся взглядом на два плотных сгустка энергии. Настолько плотных, что они казались почти монолитными. В это же мгновение он почувствовал льющийся из этих сгустков мощный невидимый поток, направленный прямо на него, на его лицо, в его глаза, как будто бы кто-то в упор смотрел на него, с любовью, улыбаясь его детской, бьющей фонтаном востор-

женности.

– «Это глаза…» – догадался он, мысленно разговаривая сам с собой.

– «Да. В человеческом теле эти два энергетических центра соответствуют глазным яблокам.» – прозвучал ответ прямо в его голове, как бы внутри, и голос, который произнес его, был таким родным и знакомым, теплым и насмешливо дружелюбным. Он тут же понял, непонятно каким образом, что ответ исходил из этого существа, то есть от него, от этого огромного сгустка вибраций.

Вдруг все внутри этого разноцветного переливающегося поля начало быстро меняться, как бы сжимаясь и уплотняясь, и вскоре приняло такую знакомую человеческую форму.

– Ааа… Кайл… О, господи!!! Это ты!!! Теперь я понял и вспомнил все! – перед ним стоял его гид и наставник.

– Да, привет, я очень рад, что ты очнулся после перехода. В этот раз довольно быстро.

– Ну да, конечно! Просто в прошлый раз кое-кто встречал меня в образе дракона и перепугал до полусмерти.

– Да, да, помню! – хохотал Кайл. – Но ты знаешь, довольно сложно держать форму существа, которым ты никогда не был. Я никогда не был драконом. А вот этим я был довольно долго, – показал Кайл жестом на самого себя в человеческом обличии, – поэтому вообще легко стать им снова, и поддерживать эту форму сколь угодно долго ничего не стоит.

– Да, можно только порадоваться, что ты никогда не был драконом! Или горгульей!

– Точно! – в голос хохотал Кайл, уже привычными движениями черт лица. – Но… Ты знаешь… – он вдруг осекся и резко поменялся в лице. – Георгий, дружище… – он нахмурился и пристально посмотрел Гоше в глаза. – Тебе ведь рано ещё сюда…

Георгий. Такое странное имя. Как будто не свое, не родное. По крайней мере сам Гоша никогда не чувствовал его своим.

– Георгий? Он же Гога, он же Жора! – неизменно восклицали все друзья родителей и вообще люди старшего возраста, услышав как его зовут, и смеялись этому, как удачной шутке. Он тоже слабо улыбался в ответ, просто, чтобы не показаться невежливым. Но о значении этой шутки узнал только много лет спустя, посмотрев культовый фильм восьмидесятых «Москва слезам не верит».

Гоша очнулся. В голове эхом раздавалось: «Тебе ведь рано ещё сюда… Тебе ведь рано ещё сюда… Тебе ведь рано ещё сюда… Тебе ведь рано ещё сюда…» В памяти смутно всплывали обрывки каких-то ярких образов дракона и огромной переливающейся луковицы, но когда он попытался сконцентрироваться, чтобы вспомнить это что-то очень важное и интересное, – все растворилось в темноте. «Там что-то важное

было…» – силился он вспомнить. Бесполезно. «Рано сюда… Куда сюда?»

Он открыл глаза. Белый потолок и белые стены. Опять эти белые стены и белый потолок. Вот уже на протяжении месяца он, просыпаясь каждое утро, видел эти белые стены и белый потолок. Нет, они не были чисто белыми. Белый цвет в интерьере никогда не остаётся просто чистым, плоским белым цветом. Чем дальше от источника света – от окна, тем больше он затемняется, превращается в серый. Плюс на потолок и стены падали тени от мебели и других предметов, находящихся в комнате. Поскольку источник света был расположен близко к этим предметам, то тени не имели четких границ и плавно перетекали одна в другую, образуя замысловатый статичный узор. В голове вдруг прозвучал какой-то довольно тоскливый мотивчик и слова:

В комнате с белым потолком
С правом на надежду
В комнате с видом на огни
С верою в любовь

Если бы он мог сравнивать своё внутреннее состояние с состоянием других людей, то он очень сильно удивился бы, насколько плоским и статичным оно было: никаких эмоций, практически никаких физических ощущений, и практически никаких мыслей, благодаря чему он спокойно мог ча-

сами лежать и рассматривать голый потолок. Сознание его в тот момент очень напоминало эти белые стены – белый неподвижный фон с неясными размытыми очертаниями теней непонятного происхождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.